

ДЕТЯМ — ВСЕ КРАСКИ МИРА ТРИ ВСТРЕЧИ С КОМПОЗИТОРОМ

В конце декабря исполняется 70 лет со дня рождения одного из выдающихся советских композиторов Дмитрия Борисовича Кабалевского.

Участники Мундыбашского школьного оркестра трижды встречались с Кабалев-

ским, и каждая встреча оставляла глубокий след в душах ребят. Рассказывая об этих встречах, руководитель оркестра Н. А. Капишников в своей статье затрагивает и проблемы музыкального воспитания детей.

ПРОШЛО семь лет с тех пор, как на берегу моря, над пионерским лагерем «Орленок», было поднято голубое знамя с изображением лиры в пионерском галстуке. Это был символ Первого Всесоюзного фестиваля и конкурса детского искусства.

На репетиции мы расселись в тени развесистого дуба, прямо перед морем. Дети, море, музыка... Удивительный союз! Здесь все живое и дышит чистотой. Естественность и непосредственность — главное, чем светится детство.

Как трудно бывает даже опытным и мудрым педагогам поставить себя так, чтобы не погасил этот свет, не подавить детскую неприкосновенность. Еще труднее уберечь ее в дни соревнований, смотров, конкурсов.

Я произношу перед детьми такие высокие слова, как «честь», «долг», «не уронить достоинство»... Хорошо будто говорю, но гляжу на ребят — у них мигот пропала радость, только что вызванная музыкой. Глаза потускнели, лица вытянулись, на них легла тень. Я почувствовал себя виноватым, точно заслонил солнце.

— Какие будут вопросы? — спрашиваю смущенно.

— А купаться сегодня пойдём?

Я не задержал их, они побежали. Счастливые, для них все равно, что школьный зал в далеком поселке, что всевозможная сцена «Орленка». Перед авторитетным жюри они волнуются не больше, чем перед своими товарищами.

А может быть, это и есть высшее понимание? Разве у себя дома можно играть хуже, чем перед авторитетной комиссией? Школьные товарищи — это ведь тоже высшие судьи.

Хорошо, если бы такое понимание было всюду. Служение людям без тщеславия, без зависти, без вторых и третьих мест — вот идеальная была бы жизнь. Выступают не соперники-конкуренты, а друзья. Развивается высшая человеческая способность — способность радоваться успехам других.

Мы знали, что Кабалевский, выступивший на открытии фестиваля, завтра должен был вернуться в Москву.

— А когда же он придет к нам? — спрашивали ребята.

— Чем же мы лучше других, что он должен прийти к нам? К тому же, он не совсем здоров.

Прошла неделя. Однажды, часов в одиннадцать, сижу я под нашим дубом, отпустил юных оркестрантов купаться. Вижу, бегут ко мне ребята сломя голову прямо из моря, в купальниках, кричат: «Нас Кабалевский нашел, скоро идет».

— Скорее за инструментами, — команду я.

Оказывается, он искал наших ребят на пляже. Ходил по раскаленному песку среди смеющихся, бегавших детей, наклонялся с высоты своего роста и спрашивал у мальчишек и девчонок: «Где здесь ребята из Сибири, из Мундыбаша?».

И вот, подперев руками голову, стоит он и слушает нашу программу, которую два дня назад мы исполняли на конкурсе. Похвалив наше выступление в целом, члены жюри сделали тогда замечание по поводу исполнения «Осенней песни» Чайковского. «Конечно, артисты имеют право на творчество, — сказали нам, — но надо учитывать исполнительские традиции. Вы истолковали «Осеннюю песню» в симфоническом плане, придав ей драматический характер. А это все-таки песня. Она так и называется».

Однако у нас были свои причины для такой трактовки.

Когда предыдущей осенью, в конце октября, мы разучивали это произведение, над поселком с тревожным криком летела запоздалая утка. И летела она на север. Люди на улицах останавливались, махали руками: поворачивай, мол, на юг. Эта картина и стала для нас ведущим образом «Осенней песни», воиная, может быть, не свойственный ей тревожный характер. После замечания жюри мы стали «сглаживать» углы, смещать акценты. Но Кабалевскому сыграли пьесу в прежней интерпретации.

Музыка стихла. Он долго молчал. Потом негромко заговорил:

— Если бы вы играли плохо, мне бы легче было сказать, почему вы играли плохо. Но вы играли хорошо. И мне уже трудно сказать, почему вы играли хорошо. Но я попытаюсь. Вот ты, девочка, из второго ряда, как тебя зовут? Ну вот, Галя, какую ты партию играешь? Баса — хорошо. Если бы твой бас не пел? Что тогда? Хорони оркестр? Или вот ты, девочка, как тебя зовут? Зина. Если бы ты, Зина, не считала свою партию секунды главной, что тогда? Хорони оркестр? Оркестр хорош, лишь когда каждый исполнитель считает свою партию главной.

Ребята спросили его о впечатлении от «Осенней песни».

— Вот если бы вы сыграли ее слезливо-сентиментально (исполнителей лирики Чайковского клонит иногда именно в эту сторону), вы бы исказили тогда музыку Чайковского. А несколько повышенный драматизм здесь не так уж страшен.

Так в двух словах объяснил он детям сложнейшее понятие хорошего оркестра и особенности лирики Чайковского.

ВТОРОЙ раз нам посчастливилось встретиться с Кабалевским в Москве, в Большом зале консерватории, на IX Международной конференции по музыкальному воспитанию детей и юношества ИСМЕ.

Казалось, что ему не до нас. Сорок два государства приняли участие в конференции. Перед выступлением мы сильно волновались: ведь предстояло играть от имени Советского государства. Страна наша огромна, и нашлись бы в ней художественные коллективы лучше. Мы же ни разу не были в Москве, даже в качестве слушателей. Как выступать без репетиций в таком зале, какой здесь резонанс, как будем слышать друг друга, как расположимся на сцене, кто нам поможет...

После пленарного заседания был объявлен перерыв. Многие участники конференции остались сидеть в зале. Последняя надежда провести хоть минутную «примерку» к акустическим условиям совсем было рухнула. Но наша тревога каким-то чудом дошла до Кабалевского. Он вышел на сцену и деликатнейшим образом попросил публику на минуту покинуть зал. Это было сделано ради нашей репетиции...

Мы мигот заняли места перед трубами органа, уселись подковкой, как на своей школьной сцене. Оркестр взял два аккорда, зал ответил кратким ободряющим эхом. Вот и вся репетиция. Ребята успели взглянуть на портреты композиторов. Чайковский смотрел со стены как живой. Ребята немного воспрянули духом, но страх все еще не проходил. К сцене быстро подошел Кабалевский: «Ну, как? А знаете что, вы сыграете сегодня хорошо! Я буду пальцы держать вот так: это верная примета успеха!». Все засмеялись. Нервное напряжение как рукой сняло, мы спокойнее стали ждать, когда нас снова позовут на сцену, теперь уж для выступления.

Еще не смолкли аплодисменты после нашего последнего номера, а Дмитрий Борисович уже стоял перед оркестром, сияющий, преобразенный. Живо и молодо зазвучал его удивительный голос: «Ну, что я вам говорил! Так ведь и получилось. Вы сегодня играли не кончиками пальцев, а сердцами».

После мне случилось видеть его уставшим и больным. На вопрос о здоровье он неизменно отвечал: «В перегрузках не только болезнь, но и исцеление».

Не знаю, насколько это убедительно с точки зрения медицины, но самого человека, произнесшего такие слова, они характеризуют совершенно точно: перед нами рыцарь от искусства, ежесекундно совершающий подвиг любви, чтобы человечество жило «по законам красоты, а не по законам уродства».

В МАРТЕ нынешнего года наш оркестр был приглашен в Ленинград на Всесоюзную неделю детской музыки. Тяжело нам было подниматься на сцену Академической капеллы имени Глинки: за две недели до нашей поездки у Лены Ара-

повой, председателя совета оркестра, умерла мать.

В зале чуткая ленинградская публика. В ложе композиторы Дмитрий Кабалевский и Андрей Петров. Лишь пальцы коснулись струн — все исчезло, зазвучала «Липа вековая». Здесь каждая фраза глубоко пережита нами. Нет, мы не играем, мы делимся своим настроением, и нас поняли: по окончании программы попросили еще раз исполнить «Липу вековую».

Дмитрий Борисович пришел к нам в репетиционный зал, где мы собирались после концертов. Мы не рассказывали ему о своей беде, но он как-то почувствовал наше душевное состояние и мягко заговорил о музыке: «Музыка, она, как хороший друг: если тебе невесело, если у тебя горе, нужно, чтобы тебе было с кем разделить его. Зазвучит в этот момент печальная музыка — и легче становится на душе. А если тебе весело, тогда веселая музыка — твой друг, она разделит с тобой твою радость».

Разговор зашел о его новой экспериментальной программе, созданной им для средней школы. Мы знали, что он сам вел по этой программе уроки в первом классе в одной из московских школ.

«А я вам сейчас покажу, как проходят мои занятия, — улыбнулся Дмитрий Борисович. — Вот только кто бы со мной сыграл на рояле?». И он обвел ребят взглядом, остановившись на самом маленьком, на Саше Горбаче: «Хотел бы ты, Саша, поиграть со мной?». Тот зарделся, засмутился: никогда же не играл он на этом инструменте. «Ничего, не бойся, у нас с тобой получится», — подбодрил мальчишка Дмитрий Борисович. И тут же показал ему простенький ритмический рисунок на одной клавише.

Потом Дмитрий Борисович попросил нас спеть белорусскую песню «Перепелочка». Мальчики повзрослее сначала молчали, смущались, потом начали подпевать и невольно увлеклись, и вот уже поет весь коллектив оркестра, Саша Горбач дирижирует.

Нетрудно себе представить, с каким увлечением работают дети на таких уроках, даже когда их проводит не сам Кабалевский (у нас в Мундыбаше по программе Кабалевского успешно занимается с первоклассниками молодая учительница). Дело здесь в содержании и структуре предлагаемых уроков, в их направленности в сторону серьезной музыки. Яркие задачи и примеры, чередование пения и прослушивания музыкальных сочинений с игрой и танцами дают возможность быстро переходить от активной работы к активному отдыху. Предмет музыки благодаря такой постановке дела не только встает в один ряд со всеми другими предметами, но и, надо полагать, еще больше открывает глаза педагогам на личность, сидящую за партой, на громадную роль человеческих эмоций в познании любой истины, в решении любых задач.

В одном из наших разговоров я сказал, что музыка сама по себе в работе нашего оркестра — не самое главное. Главное — с ее помощью закрепить в детях те лучшие качества, которыми щедро одарила их природа. На это Дмитрий Борисович ответил: «Ваш оркестр потому-то и звучит хорошо, что главное в нем — дети».

По-видимому, для самого Дмитрия Борисовича тоже главное — дети, а от этого выигрывают и его собственное творчество, и педагогика, и другие сферы его кипучей деятельности.

Наши встречи с Кабалевским не ограничиваются этими тремя эпизодами. Мы встречаемся с ним, когда репетируем в своей комнате его чудесную «Кавалерийскую», «Мечты», «Прелюдию», «Вариации на русские песни», когда он выступает по радио и телевидению. Встречаемся с ним в День Победы у нашего обелиска, когда звучит потрясающий хор «Вечная слава героям» из его «Реквиема». Встречаемся на уроках. Сказать точнее, мы уже с ним не расстаемся.

Н. КАПИШНИКОВ,
заслуженный работник культуры РСФСР.
п. Мундыбаш.